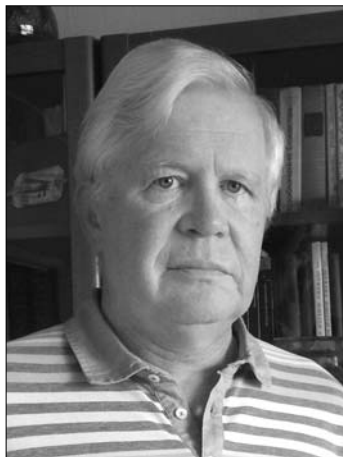

НИКИТА БРАГИН

ЗДЕСЬ ВИДНА ИЗНАНКА МИРА

ВОПРЕКИ

Вопреки расчёту и опыту,
вопреки утверждённым словам,
понижаю голос до шёпота,
соразмерного только слезам —
оттого и чувствую сам,
что разгладились волны плавно,
что слепое предстало явным,
и душа покорна стихам...

Вопреки жестокому времени,
вопреки распорядку зла,
ухожу следами оленьими,
талым снегом, плеском весла
в те края, где песок да зола
на местах покинутых стойбищ,
где понятно, чего ты стоишь,
перелистанный догола!

БРАГИН Никита Юрьевич родился в 1956 году в Москве. Главный научный сотрудник Геологического института РАН, доктор геолого-минералогических наук. Член Союза писателей России, автор одиннадцати сборников стихов. Лауреат Всероссийского поэтического конкурса имени Сергея Есенина (2018), Международной литературной премии имени Сергея Есенина “О Русь, взмахни крылами” (2019), победитель Большого дистанционного литературного конкурса “Преодоление” МГО СП России (2020).

Там костров увядшее золото
обжигает кровь на губах,
и слезинки вешнего солода
проступают на бледных стволах,
и томятся на чистых листах
дни любви и декады разлуки!
Миг покоя среди разрухи...
Миг молчания на пирах...

КОСТЁР

Уехать бы в какой-нибудь Надым,
зазимовать в заснеженном бараке,
зажечь огонь под Новый год во мраке,
дыша морозом, жгучим и седым.

Прищуриться на лиственничный дым,
нарезать мясо, дать шматок собаке
и, забывая городские враки,
увидеть мир простым и молодым.

Проснусь и чувствую скупым и старым
свой город, и к рутинному труду
опять иду по скучным тротуарам.

Среди толпы я электричку жду
и вспоминаю совершенным даром
костёр в ночи да ясную звезду.

ТРОПА

По медвежьей тропе ты ушла
в талый сумрак ольховой чащобы,
а в росе, ледяной до озноба,
остывала ночная зола;
и просветом пронзительно-синим
открывался воздушный простор,
мир незыблемых красок и линий,
снежных гор чёрно-белый узор.

Как вода, утекала беда
из ладоней, немевших от боли,
а вдали задыхались в неволе
и в разлуке с тобой города,
где, не помня ни роз, ни сирени,
тёмно-пыльный асфальт площадей
проводил полусонные тени
обречённо спешащих людей.

Но текли первородным вином
время ветра, пространство заката,
и река, повечерьем заклята,
догорала в котле ледяном,
отдавая осеннюю негу,
принимая любви наготу,
улыбаясь холодному небу
и распадкам в лилейном цветку.

А тропа уводила назад,
в окаймлённую чашей долину,
и выбеливал мокрую глину
провожавший тебя снегопад...
Осыпались разлуки страницы,
золотые листы в седине,
и во сне задрожали ресницы —
это вспомнила ты обо мне.

ГРОЗА НАД КЕРУЛЕНОМ

В небе назревают перемены,
шлейфы туч всё шире, всё белей,
гребни гор над синим Керуленом
как форштевни древних кораблей.
Двигутся воздушные громады
к бою, воздымая паруса,
ждёшь — вот-вот начнётся канонада,
и природы грозная краса
гром и камень свяжет воедино,
град и листья бросит на траву,
а потом, по праву господина,
замолчит, являя синеву.

Но её пути не угадаешь —
налетит, пройдёт ли стороной,
и Хэнтея высота седая
тихо терпит беспощадный зной,
терпят и гранит, и камнеломка,
терпят и сосна, и муравей,
только тучи, натянув постромки,
по небу несутся всё резвей.

Юность много ждёт, да мало знает,
дышит небом, не считая звёзд,
дóроги ей широта земная
и стихии исполинский рост.
С ней остались на хэнтейских кручах —
в солнечных лишайниках скала,
ветви смоляные, ветер жгучий,
и гроза, что в прошлое ушла.

ХРУПКАЯ ВЕЧНОСТЬ

Ветер, веющий с лимана,
полон холода больного —
выйдешь поздно или рано,
всё давным-давно не ново:
тяжек снег на месте лобном,
сколько душу ни травы,
тундра вечности подобна,
хрупкой вечности любви.

Проводи меня на пристань,
погадай мне на дорогу,
горький век наш перелистан
до начала эпилога.

Годы старости — что птицы
на расклёванный гранат,
но последние страницы
откровение хранят.

Про себя его читая,
ощутишь, как сердце бьётся —
от Днепра и до Китая,
от креста и до колодца!
Боль подобна тонкой линзе,
собирающей огонь, —
только тронь, она и брызнет
жаркой смертью на ладонь!

Но на Севере всё просто,
если спят в стволах патроны,
если щедрость — полной горстью,
и прощание — с поклоном!
Здесь неправда — свет болотный,
а ошибка — самострел,
здесь за точку платишь сотню
и полсотни — за пробел.

Север наизусть заучен,
но всегда берёт врасплох он —
перед горем неминучим
всё беспомощно и плохо.
Здесь видна изнанка мира,
швы, заклёпки и болты
да зияющие дыры
заполярной пустоты.

Но у пропасти прощаний
неба восточка святая
на лишайник и песчаник
серой пуночкой слетает,
тихой птичкой, лёгким пухом
на протаявшем снегу...
Этот ясный образ Духа
я до смерти сберегу.

ЦВЕТЫ В СНЕГУ

Трава да мох с цветами вперемежку
меж пятен снега, талой синевы.
Освободился — расцветай, не мешкай,
и с нетерпением каждый луч лови.

Так и живём — в короткий летний проблеск
любовь и смерть одним венком собрав,
а дальше — тьма, зимы слепая пропасть,
как только завершится ледостав.

И будет небо в донышке стакана,
осколок солнца — в жарком уголке,
в замерзшей капле — сердце океана
и вечность — в облетевшем лепестке.